

«Опять сам себе», или «Присосанцы»

Очень странное, некое двойственное ощущение испытываю, начиная эту работу.

Сегодня 10 апреля, эта пора в Новокузнецке очень хорошо помнится, наплывают и воспоминания далеких теперь отсюда времен, и дней не столь давних... Наслаиваются одно на другое, подрагивают, как первое марево весеннего тепла, помаргивают и, конечно, тревожат, но тревога эта счастливая: может, примерно с таким же, недоступным нашему пониманию трепетом собираются по весне лететь на родину птицы.

А тут – собралась душа.

Сколько благодарного тепла, сколько редко высказываемой нежности накопилось в ней ко всему существу на дорогой сердцу Кузнецкой земле и ко всему вроде бы неживому, но так давно в Кузбассе одушевленному и общим невероятно тяжким трудом, и печальными общими заботами, и нечастыми радостями...

Но вместо того, чтобы обо всем этом рассказывать, объясняться, по сути, в давней и неизменной, неизлечимой любви к «стране своей молодости», придется – да простится мне это грубоватое выражение новостроечных лет! – копаться в дерьме.

Что делать: и крута гора, а миновать нельзя.

Полгода назад мне пришлось писать предисловие к сборнику рассказов бывшего шахтера, а нынче «коксохимика» с родного мне Запсиба Николая Ничика, и его одинокий голос против разобшившего новокузнецких писателей, все подчинившего исключительно коммерческим своим интересам Бориса Рахманова стал для меня, давнего патриота нашей, не однажды мною воспетой «Кузни» горьким укором: разве я сам этого не видел?

Более того: не при моем ли личном участии его карьера и начиналась?

Меня, что называется, прорвало, но, как почти тут же выяснилось, - не только меня.

Предисловие к книге Николая Ничика напечатали – спасибо, кемеровские ребята, за понимание и поддержку! – в «Круге чтения» газеты «Кузбасс». И вот как на это тут же откликнулся в «Городском дневнике», который он ведет в «Кузнецком рабочем», Валерий Немиров: «В четверг наконец прочли статью Гария Немченко в «Кузбассе», вызвавшую бурные эмоции у местных литераторов. То, что он выплеснул на страницы областной газеты, кто-то называет «чистой правдой», кто-то «помоями». Нас звали на собрание местных писателей – тех, кто против статейки (огромнейшего размера, между прочим). Но резону писать нам – третьим, по сути дела, лицам – об этом нет. Хотя мы знаем того человека, на котором оттоптался Немченко (и на наш взгляд оскорблений много, но ни одного факта не присутствует). И не думаем, что все обстоит именно так, как изложил Немченко. Но, повторяем, не собираемся лезть не в свои дела.»

Ну, не высший ли пилотаж иезуитства?

Хотя и мельком, и вскользь, но то, что надо – все сказано. «Смазал» походя.

Так и хочется смахнуть со своего плеча нечто, оставленное ну, прямо-таки барственной рукой... эх, ребята-ребята!

Да почему – «не свои дела»? Живете на Марсе?

Или – в другой стране, во всяком случае. Потому что жить в России, с которой Новокузнецк связан тысячами нервных окончаний, и не ощущать этой взаимозависимой боли, от которой давно уже криком кричит русская культура, - ну, как можно?

«Хотя мы знаем этого человека...»

Ещё бы не знать!

Кто ему славу создавал? Кто пестовал? Кто потворствовал?

И – почему, почему?!

Если в отделе периодики Национальной библиотеки в Москве, бывшей «Ленинки», перелистывая страницы газет родного Новокузнецка, натыкаюсь на нижеприведенный шедевр, то там-то он известен куда раньше: ваши «лудильщики» его и создали!

Новокузнецк – отечественной культуре.

Вклад новокузнецчан в отечественную культуру получил признание. Поэт-сатирик, член Союза писателей России, директор издательства «Кузнецкая крепость», выпустивший более ста книг стихов и прозы, краеведческих изданий, Борис Рахманов стал обладателем золотой медали Российской академии наук.

Биография и информация о его достижениях вошла в библиографический справочник «Кто есть кто» вместе с именами руководителей интеллектуальных проектов, авторов известных книг, академиков, общественных деятелей... Впрочем, знаковой эту награду Борис Рахманов не считает. Много лет возглавлявший Новокузнецкое отделение Союза писателей России, сейчас являясь его почетным председателем, он, можно сказать, открыл многих новокузнецких авторов. А издательство «Кузнецкая крепость» - своего рода знак качества.

хзщ - Мне ни за одну выпущенную книжку не стыдно, - говорит Рахманов.»

В том-то и дело, что е м у не стыдно!

Чувство стыда ему чуждо, как нынче принято обозначать, «по определению». А многим из остальных?

«Седьмая книга кузбасского поэта-сатирика» - написано на последней страничке крошечного – Господи, хорошо, хоть, что так! – сборника Бориса Рахманова «Плохемы», вышедшего в «Кузнецкой крепости» в 1999 году.

В сборничке четыре раздела один другого безвкусней и беспомощней: «Алкофемы», в котором он неблагодарно обличает пьющих коллег, титанов, по сравнению с ним самим, - так бесконечно долго терпевших его титанов; «Зарубежное» - чтобы оценить всю скудость

мысли и бездарность автора, это надо читать; «Якобы» - на нем ниже остановимся; «И др. и пр.» - на этом даже и останавливаться не стоит.

Но вот изыски из «Якобы», посвященные нашим литературным предшественникам – русским гениям.

«Александр Сергеич Пушкин/ макароны не любил./ Пил из кружки со старушкой,/ а Дантес его убил.»

Как бы сказали на нынешнем жаргоне – «не хило»?

«Михаил Юрьевич Лермонтов/ много понаписал интересного./ Опохмелялся вермутом,/ царствие ему небесное.»

Чем дальше в лес?...

«Иван Сергеевич Тургенев/ стрелял по уткам из ружья./ Любил севрюжные пельмени/ и девок пользовал лежмя.»

Может, хватит?

Хоть есть ещё столь же хамское и о Толстом: «Лев Николаевич Толстой/ был поначалу холостой./ Потом возрос и возмужал/ и баб окрестных обожал.»

А вы, дорогие мои земляки, полагали, что «копаться в дерьме» в начале этой статьи я употребил в переносном смысле...

Кабы!

Ну, да черной работы никогда не боялся: недаром одним из самых близких моих друзей на нашей «ударной комсомольской» был главный механик жилищно-коммунальной конторы Юра Лейбензон, «главный сдергиватель», как торжественно величал его Гена Емельянов: светлая вам обоим память, верные, чистые душою соратники!

А как же тогда, спросите, – с этим сборником «Кто есть кто», с «руководителями интеллектуальных проектов», «академиками», «общественными деятелями», с академией наук, в конце концов, отвалившей Рахманову золотую медаль?

Во Владикавказе, в издательстве «Ир» только что вышла моя книжка «Счастливая черкеска»: о моем покойном друге-осетине Ирбеке Кантемирове, народном артисте СССР, знаменитом цирковом наезднике. О Великом Джигите. Знатоке национального этикета. Хранителе горского кодекса чести.

Но в такое подлое время живем, что наряду с понятиями самыми возвышенными в текст пришлось ввести и новое, малоприличное: п р и с о с а н ц ы.

Слово это Валерий Немиров прочитает скорее всего впервые, но неужто так-таки незнаком с самим явлением п р и с о с а н с т в а?

У кого-то оно – от лишних денег и желания славы, у кого-то – от болезненного комплекса неполноценности. А если – то и другое вместе?

Не знать этого сегодня даже для самого среднего журналюги, «рядового бандита пера», как поется в известной песне «Ночкой темною...» – нехватка профессионализма. Но не только для него.

Передо мной – напечатанная в «Кузнецком рабочем» под рубрикой «Открытое письмо» большая статья начальника управления культуры Новокузнецка Михаила Маслова «О легкости в мыслях необыкновенной», в которой в первом абзаце он заявляет: «по роду деятельности всю жизнь я занимаюсь вопросами культуры...»

И невольно думаешь: может быть, как раз это и является трагической для Новокузнецка ошибкой – такое самомнение начальника?

Тут же мне могут возразить: а как же тогда достигшие заслуженной славы коллективы, как многое другое, чем город в этом отношении славен?

Приходится вспомнить эту знаменитую фразу, над которой мы, бывало, раньше посмеивались: «Этот народ не сломить!»

И уж если с «чувством законной гордости» - ещё один штамп тех времен – наблюдаем сей факт по всей матушке-России, то почему же должны были сдаться наши закаленные холодом-голодом, как только и когда только не угнетаемые чиновником сибиряки? Да где еще, где – в знаменитой на всю страну упрямой Кузне!

Где так крепка народная закваска, где характер чуть не из каждого прет, как черемша по весне.

Россия – родина парадоксов, если хотите. Многое в ней происходит не «благодаря», а «вопреки».

«Наша городская организация Союза писателей... на высоком уровне проводит семинары и учебу для детей, юношества и взрослых, в том числе за пределами Новокузнецка и Кемеровской области» - пишет Маслов.

Вас устраивает «уровень» приведенных выше стихов Бориса Рахманова?

А если семинары проводят другие – высокопрофессиональные и высокодуховные – люди, то впору задуматься: а как же они себя под патронажем этого беспардонного графомана чувствуют? Комфортно ли им живется? Или – безрадостно?

Любу Никонову помню ещё девятиклассницей, принесшей мне ранние стихи - ну, прямо-таки «жесткие романсы». Будучи уже известной в литературном мире, она писала, что ушла из нашей квартиры на проспекте Советской Армии на Антоновке с затрепанным, в новодельном переплете, томом библии... светлая память дедушке Савелию Константиновичу Шварченко с тихой Монашки на Средней Терси и его незабвенной «баушке» Марье Евстафьевне, подарившим мне эту библию!

Любины стихи я, словно курьер, разносил потом в Москве по редакциям и чуть не на каждом литературном перекрестке громко заявлял, что она – одна из лучших русских поэтов... п о э т о в, да - именно так называет себя кабардинка Балагова, тоже Люба, тоже талантливейший человек, на вечере которой в Нальчике только что имел честь присутствовать.

Но вот что грустно: когда в Новокузнецке у Любы был юбилей, то в своей «тронной» речи она сказала, что пробиваться к читателю ей никто и никогда не помог.

По законам околотитературной стаи, которую сколотил Рахманов, она просто не могла ничего иного сказать, потому что законы эти, кому как не Рахманову это знать, на дух не принимаю, а бедная Люба – какие были годы, припомните! – только в ней и могла обрести копейку на жизнь... да что же за подлое время, Господи!

В том-то и штука, что ясно обозначившаяся в последнее время криминализация литературы губит её возвышенный, горный и прежде всего развращает слабых – это как раз не о Любе, нет! Мы с ней если не всё, то многое понимаем одинаково: внутренняя, невидимая миру, но сокровенная связь куда прочнее внешних «телодвижений».

Но каково ей, страдальце, в нашем грубоватом городе «угля и стали» жить «с пера», как говаривал Александр Сергеевич Пушкин?!

Представляю, как дрогнет ещё одно женское сердечко: известного теперь критика Русланы Ляшевой, бывшей электросварщицы с нашей стройки, которую мы когда-то всей нашей редакцией уже несуществующей нынче газетенки «Металлургстрой» отправляли на факультет журналистики МГУ с трогательным письмом к вечному декану Ясену Николаевичу Засурскому.

Буквально влюбленная в прозу Яброва, о которой я тоже самого высокого мнения, она готова прощать «Кузнецкой крепости» все что угодно: лишь бы в альманахе печатали Толю.

Но разве Рахманов это делает из эстетических, подобно чуткой Руслане, соображений?

Хорошо выверенная интрига. Политика «кнута и пряника».

Разделил и – властвует.

С умильными речами о нашем общем с ней старом друге, с которым тоже, убежден, многое одинаково понимаем и мелочи взаимно прощаем – ради Неё, Русской Литературы ради – Руслана вручает мне привезенный ею из Новокузнецка номерок альманаха: мол, ты только посмотри, как Толя стал писать!

Но что поделаешь: старый, очень давно уже съевший в своем деле собаку профессионал, тут же гляжу, что и как пишут другие...

У Гены Емельянова было много эмоциональных выражений, которые остались в наследство нам всем, его знавшим. Одно из моих любимых – «вместо волос – перья». Признак великого изумления, да.

Так вот, «вместо волос перья» у меня выросли, когда прочитал подборку стихов Николая Бельчегешева (Койи Белчека) и на соседней странице, на развороте, как бы в ответ – стихи Любви Арбачаковой, которые так и названы: «По следам Койи Белчека». И то, и другое – в «переводе с шорского Бориса Рахманова.»

Вот лишь кое-что из этого трепетного разговора «мужчины и женщины»:

Он: «На мягком/ Ложе/ Ты, как пьяная,/ Лежишь,/ Моим/ Золотым/ Жезлом/ Играешь.»

«На ложе/ Пуховом/ Ты уже/ Без сил./ Мой золотой/ Жезл/ Неутомимо/ Весел.»

«В красивом/ Зеркале/ Отражается/ Много лиц,/ Мысли мои/ Не знают,/ Свой золотой/ Жезл/ Куда поставлю.»

Но не слишком ли высокого мнения о своем «золотом жезле» явно подставляемый «переводчиком» шорский Ромео?

Она: «Напрасно/ Твой/ Золотой жезл/ Играет/ Мой/ Волшебный цветок / Его/ Не ждет.»

«Играя/ Твоим золотым/ Жезлом,/ Что-то/ Неметаллическое/ Почувствовала/ Вдруг.»

И вскоре – через два стиха - следует совет-просьба: «Не пей/ Огненную/ Водицу,/ Будет/ Твой/ Золотой/ Жезл/ Болтаться/ На ветру.»

И все – так многозначительно, и чуть не каждое слово – с отдельной строки.

Уж не эти ли стихи посылали в Академию наук на соискание золотой медали?

Золото к золоту – оно и понятно!

И с городским отделом культуры все ясно: хоть давно положили на тебя «жезл», ну, да ведь зато – золотой!

«Шорская защита» - конек Рахманова. Прикол, как бы сказали молодые. Или, как глобалисты сегодня, - брэнд.

Вот «Сокровенное слово», записанное Натальей Камeneвой и помещенное год назад в «Кузнецком рабочем».

«Новокузнецкая писательская организация, по словам председателя Кемеровского областного отделения писателей юга Кузбасса и секретаря правления Союза писателей России Геннадия Косточакова, является правопреемником образовавшейся в 1962 году Кемеровской областной писательской организации, в отличие от вновь образованного «Союза писателей Кузбасса».

Прочитал и сначала рассмеялся: не смешите «волшебный цветок», ребята - с каких это пирогов?

А потом, потом...

Ну, кто такой, и действительно, там, «на севере Кузбасса», Владимир Мазаев? «Жалкая и ничтожная личность.» (из словаря Гены Емельянова)

Нет, ну, правда?

Есть ли хоть какой-то намек на его презренное имя в этой книге-то: «Кто есть кто»? Нету!
А золотая медаль академии наук? Да в жизни не видать ему этой медали!

Скрипит себе потихоньку и скрипит перышком уже какое десятилетие, молчун этакий! А толку?..

А кто такой, если хорошенько приглядеться, тот же Виктор Баянов? А Геннадий Юров?.. А Бурмистров Борис? Такая же темнота! А Гержидович? Тайга глухая! Недаром же в ней там и живет. А...

И сколько ещё не только мне дорогих имен, сколько беззаветных и терпеливых, сколько самоотверженных тружеников можно было бы тут ещё перечислить! Сколько прошедших проверку подлым временем бессребреников высшей пробы – должны же быть на Руси и такие?

И – есть.

Но как же все вместе вы позволили сесть себе на шею этому проходимцу... мы!

Потому что меня-то он первого и о г о р г о т а л: есть такое старинное словечко из лексикона родной моей станицы.

Но, может, пора бы и честь знать?

Не самому ему, нет: тут-то о ней и речи быть не может, о чести.

Взываю к его защитникам и пропагандистам: и в той или иной форме получающим за это большую или малую мзду, и – попросту обманутым по доверчивости, незнанию либо неведению.

Интуицией старого волка чую, как скрипят уже, скрипят подмазанные таежными снадобьями из горношорской тайги столичные перья, как отрабатывают в «белокаменной» рахмановскую «предоплату» из тех средств, которыми он когда-то обещал осчастливить обездоленных в полунищей провинции литераторов...

Но сколько, милые мои, можно терпеть?

Сам тоже – не знающий языка оригинала переводчик, и сколько мне пришлось преодолеть, сколько перечитать, сколько, что называется, перелопатить, и сколько переварить и осмыслить, чтобы достойно помочь молодой братской литературе: адыгейской. Роман Юнуса Чуюко «Сказание о Железном Волке», о котором часто шутливо говорю, что появлением своим он обязан нашей Кузне, где давно привыкли иметь дело с железом, с благожелательнейшим предисловием Валентина Распутина в свое время опубликовала «Роман-газета»: оба мы с Юнусом были удостоены премии «Образ». Сегодня он – Народный писатель Республика Адыгея, о его творчестве написаны монографии, защищены докторские диссертации.

Два года назад в Адыгее вышла моя книжка рассказов «Газыри»: о взаимном влиянии, о взаимопроникновении соседних культур... Но где же все это в описанном выше случае с двумя «обласканными» Рахмановым шорскими поэтами - Койей Белчком и Любовью Арбачаковой?

Да ведь не помощь это, а чистой воды компрометация. Услуга из разряда медвежьих.

В самом конце своей книжечки «Плохем», там, где обозначаются выходные данные и ответственные за выпуск, под выделенным шрифтом покрупнее «Редактор» кокетливо обозначено курсивом: «опять сам себе».

Сам пишет, сам себя редактирует, сам себя издает, сам себе гонорары выписывает...

Ну, и – соответственно – сам себе покупает за труд сей тяжкий награды: нынче и-их! Были бы деньги.

Когда-то при больших писательских организациях были должности завхозов, и занимали их как правило беспросветные графоманы, верой и правдой служившие поэтам и писателям с членским билетом Союза, для них – небожителям...

Иногда эти небожители спускались на землю, от щедрот своих поправляли всем миром бездарные завхозовские стихи или бездарную его прозу и раз в пять, а то и – раз в десять лет издавали коллективное свое творчество под фамилией страдальца: кормильца своего и поильца.

Но времена круто изменились.

Кормильцами и поильцами сделались сами профессиональные литераторы, а все гонорары и вся слава – штатному завхозу, который в зависимости от местонахождения его единоличной кормушки и степени собственной наглости называет себя то почетным председателем, как в случае с Рахмановым, а то и – Председателем с большой буквы...

И так оно теперь по всей матушке-России...